

- Роберт ГОВАРД

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Роберт ГОВАРД

ДЬЯВОЛ ИЗ ЖЕЛЕЗА

Покинув Замбулу, Конан со Звездой Хорала отправился на запад, в луговые земли Шема. Добрался ли он с ней до Офира и запросил там за нее целую кучу золота или по дороге она досталась какому-нибудь вору или женщине легкого поведения, неизвестно. В любом случае, имевшихся у него запасов хватило ненадолго. Он нанес короткий визит в свою родную Киммерию и обнаружил, что старые друзья умерли, а старые занятия еще скучнее, чем раньше. Когда до него дошли известия, что козаки восстановили свою былую мощь и портят как могут жизнь королю Ездигерду, Конан взял свою лошадь и свой меч и отправился снова разорять Туран.

Хотя люди с севера прибывали все с пустыми руками, он нашел старых друзей и среди козаков и среди Красного Сообщества с Вилайетского моря. Вскоре приличного размера шайка разбойников из этих групп действовала под его командованием и находила себе поживу еще лучше, чем раньше.

Рыбак проверил свой нож в ножнах. Жест был инстинктивным, так как то, чего он боялся, нельзя было убить ножом, даже ножом с зубчатым серповидным етшийским лезвием, способным одним ударом распотрошить человека. Ни человек, ни животное не угрожали ему в единственности, нависшей над островом Ксапур.

Он вскарабкался по утесам, прошел сквозь густые заросли, растущие по их краю и сейчас стоял окруженный следами запустения. Разбитые колонны проглядывали между деревьями, разбросанные линии разрушенных стен виднелись там и тут среди теней, под ногами была широкая мощеная дорога, потрескавшаяся и покоробившаяся от растущих под ней корней.

Рыбак был типичным представителем своей расы, странного народа, чье происхождение терялось на заре веков и который обитал в грубых рыбачьих хижинах вдоль южного берега Вилайетского моря с незапамятных времен. Он был широко сложен, с длинными, обезьяньими руками и могучей грудью, но со стройной талией и тонкими, кривыми ногами. Его лицо было широким, лоб низким и покатым, волосы густые и спутанные. Пояс для ножа и набедренная повязка — вот и вся его одежда.

То, что он находился там, где он сейчас находился, доказывало, что он был более любопытен, чем большинство представителей его народа. Люди редко посещали Ксапур. Он был необитаем и забыт, просто один из мириад островов, испещривших внутреннее море. Люди называли его Ксапур Укрепленный, из-за руин оставшихся от какого-то доисторического королевства, разрушенного и забытого еще до завоевания гиборейцами южных земель. Никто не знал, кто поднимал эти камни, хотя в легендах, ходивших между етшийцами, предполагалась какая-то связь в незапамятные времена между рыбаками и неизвестным островным королевством.

Но прошла тысяча лет с того времени, как етшийцы узнали о значении этих историй; они повторяли их сейчас как бессмысленную формулировку, тарабарщину, которая слетала с их губ по привычке. Ни один етшиец не посещал Ксапур целое столетие. Примыкающее побережье материка было необитаемым, тростниковые болота дали приют мрачным животным, которые их облюбовали. Деревушка рыбака находилась достаточно далеко на юге, на материке. Шторм погнал его хрупкое суденышко далеко от тех мест, где он жил, через сверкающую молниями ночь и вздымающиеся массы воды и разбил его о выступающие утесы острова. Сейчас, на рассвете небо было голубым и ясным; капельки на листьях сверкали на солнце, как драгоценные камни. Рыбак вскарабкался по утесу, за который зацепился ночью. Во время шторма черные небеса разрезала вилка молнии и последовал удар, который потряс весь остров. Все это сопровождалось страшным треском, который вряд ли мог быть результатом падения расколотого дерева.

Любопытство заставило рыбака провести исследование; и сейчас он нашел то, что увидел и животное беспокойство овладело им, чувство подстерегающей опасности.

Между деревьев поднималась разрушенное куполообразное сооружение, построенное из гигантских блоков особого зеленого камня, который имелся только на Вилайетских островах. Казалось невероятным, чтобы человеческие руки могли обработать и уложить эти камни, и несомненно, выше человеческих сил было их разрушить. Но удар грома расколол многотонные блоки, словно они были сделаны из стекла, другие превратил в зеленую пыль, и распорол арку купола.

Рыбак пробрался через обломки и посмотрел внутрь, и то что он увидел, заставило его хмыкнуть. Внутри разрушенного купола, окруженный каменной пылью и кусками разбитой

каменной кладки, лежал на золотом блоке мужчина. Он был одет в какую-то рубашку и шагреневый пояс. Его черные волосы, прямо спадавшие на массивные плечи, были перетянуты у висков узкой золотой лентой. На его обнаженной мускулистой груди лежал удивительный кинжал с широким серповидным лезвием и с украшенным драгоценными камнями эфесом. Его рукоятка была обтянута шагренью. Он был почти такой же, как и нож, который рыбак носил у себя за поясом, но без зубцов на лезвии и сделан с величайшим мастерством.

Рыбаку страстно захотелось заполучить это оружие. Мужчина, конечно, был мертв; мертв в течении многих столетий. Этот купол был его могилой. Рыбака не интересовало, какое древнее искусство сохранило тело в таком хорошем состоянии, оставив его конечности плотными и несморщившимися, темное тело таким жизненным. Тупые мозги етшийца занимало только желание иметь нож с такими утонченными волнистыми линиями тускло мерцающего лезвия.

Пробравшись внутрь, он поднял оружие с груди мужчины. И когда он сделал это, произошло нечто странное и ужасное. Мускулистые темные руки конвульсивно дернулись, веки разомкнулись, открыв большие, темные, магнетические глаза, чей взгляд обрушился на вздрогнувшего рыбака, словно физический удар. Он отскочил выронив в смятении кинжал. Мужчина на возвышении поднялся в сидячее положение и рыбак изумился, осознав истинные его размеры. Прищуренные глаза незнакомца смотрели на етшийца и в этих раскосых глазах нельзя было прочитать ни дружелюбия, ни признательности; в них был виден только огонь, такой чужой и неприветливый, как и в горящих глазах тигра.

Неожиданно мужчина поднялся и навис над рыбаком, угрожая всем своим видом. В тупых мозгах рыбака не было места для страха, по крайней мере, для такого страха, который испытал бы человек, оказавшийся свидетелем нарушения фундаментальных законов природы. Когда огромные руки схватили его за плечи, он выхватил свой нож с пилообразным краем и нанес удар вверх. Лезвие раскололось о упругий живот странного мужчины, словно о стальную колонну, а затем толстая шея рыбака хрустнула в гигантских руках, словно гнилой прут.

Джехунгир Ага, лорд Хавариса и хранитель прибрежных границ, просмотрел еще раз разукрашенный пергаментный свиток с павлиньей печатью и засмеялся коротко и сардонически.

— Все нормально? — спросил его советник Газнави.

Джехунгир пожал плечами. Это был утонченный человек, с безжалостной гордостью, как врожденной так и полученной в результате воспитания.

— Король теряет свое терпение, — сказал он. — Своей собственной рукой он резко пишет мне о том, что называет моими ошибками по охране границы. Ради Тарима, если я не смогу нанести удар по этим степным разбойникам, в Хаварисе может оказаться новый лорд.

Газнави задумчиво потер свою серую бороду. Ездигерд, король Турана, был самым могучим монархом в мире. В его дворце, находившимся в большом дворцовом городе Аграпуре хранились кучи добра, награбленного во всех концах империи. Его быстрые военные галеры с пурпурными парусами превратили Вилайетское море в озеро. Темнокожие люди Заморы платили ему дань, как и восточные провинции Коса. Шемиты подчинялись его правлению далеко на запад, до самого Шушана. Его армии разоряли границы Стигии на юге и снежные земли гибборейцев на севере. Его всадники шли с огнем и мечом на запад до Бритунии, Офира и Коринфии, и даже до границ Немедии. Его мечники в позолоченных шлемах топтали толпы копытами своих лошадей и обнесенные стенами города погибали в пламени по его команде. На переполненных рынках рабов в Аграпуре, Султанапуре, Хаварисе, Шахпуре женщины продавали за три маленькие серебряные монетки — белокурых бритуниек, темно-желтых стигиек, темноволосых замориек, эбеновых кущиток, оливковокожих шемиток.

Но, пока его быстрые всадники разбивали армии на дальних границах, на ближних границах наглый враг щипал его за бороду кровавой, прокопченной дымом рукой.

В широких степях между Вилайетским морем и границами самого восточного Гибборейского королевства за последние полвека образовалась новая раса, состоявшая из скрывающихся преступников, людей из остатков разбитых армий, беглых рабов и дезертировавших солдат. Это были люди из разных стран, совершивших разные преступления; одни родились в степях, другие бежали из западных королевств. Они называли себя козаками — никудышными людьми.

Обитая в широких открытых степях, не признавая никаких законов, кроме своего собственного кодекса, они стали людьми, способными бросить вызов даже Великому Монарху. Они непрерывно совершали налеты на турецкие границы, отступая в степи после поражений; вместе с вилайетскими пиратами, которых тоже развелось очень много, они опустошали побережье, захватывая торговые суда, которые курсировали между гирканскими портами.

— Как я разобью этих волков? — спросил Джехунгир. — Если я последую за ними в степи, я рисую тем, что либо меня отрежут и уничтожат, либо они увернутся и сожгут город в мое отсутствие. В последнее время они больше способны на это, чем раньше.

— Это из-за их нового главаря, который сейчас командует ими, — ответил Газнави. — Ты знаешь, кого я имею в виду.

— Конечно! — с чувством ответил Джехунгир. — Это этот дьявол Конан; он еще более дикий, чем козаки, и хитрый как горный лев.

— Это скорее от звериных инстинктов, чем от ума, — ответил Газнави. — Другие козаки — это по крайней мере опустившиеся цивилизованные люди. А он варвар. Но захватив его, мы нанесем им сокрушительный удар.

— Но как? — спросил Джехунгир. — Он неизменно выбирается из передряг, которые казалось бы для него смертельны. Чутье или хитрость помогает ему, но он всегда избегает или

спасается из всех ловушек, которые на него устанавливаются.

— Для каждого животного и каждого человека существует ловушка, из которой он не может спастись, — промолвил Газнави. — Когда мы вели переговоры с козаками о выкупе пленных, я наблюдал за этим Конаном. У него резкое пристрастие к женщинам и хорошей выпивке. Прикажи доставить сюда твою пленницу Октавию.

Джехунгир хлопнул в ладоши и бесстрастный кушитский евнух, скульптура из блестящего эбонита в шелковых штанах, склонился перед ним и пошел выполнять его приказание. Вскоре он вернулся, ведя за руку высокую, изящную девушку. Желтые волосы, ясные глаза и светлая кожа выдавали в ней чистокровного представителя своей расы. Ее шелковая туника, подпоясанная на талии, не скрывала изумительных контуров ее завораживающей фигуры. Ее глаза вспыхивали от негодования, а ее красные губы были надуты, но ее приучили к подчинению за время плена. Она стояла с поникшей головой перед своим господином, пока тот жестом не предложил ей сесть на диван перед ним. Затем он вопросительно посмотрел на Газнави.

— Мы должны выманить Конана от козаков, — обрывисто сказал советник.

— Их военный лагерь в настоящее время находится где-то в низовьях реки Запороска, где, как ты хорошо знаешь, дикие заросли тростника и болотистые джунгли, в которых наша последняя экспедиция была разрезана на части этим непобедимым дьяволом.

— Я никогда не забуду этого, — сухо сказал Джехунгир.

— Недалеко от материка есть остров, — сказал Газнави, — известный под названием Ксапур Укрепленный, из-за древних руин на нем. У него есть особенность, которая делает его идеальным для нашей цели. Вдоль его берегов из моря торчат отвесные утесы в полторы сотни футов высотой. Даже обезьяна не сможет взобраться по ним. Единственное место, где человек может подняться наверх или спуститься — это узкая тропинка на западной стороне, которая больше похожа на лестницу, высеченную в твердых камнях утеса.

— Если мы сможем заманить Конана одного на остров, то потом перехватим его внизу с луками, как люди охотятся на льва.

— Хорошо помечтать об этом, — нетерпеливо сказал Джехунгир. — Мы что же, пошлем ему посла и прикажем вскарабкаться на утесы и подождать, пока мы не придем?

— Именно так! — посмотрев на озадаченный взгляд Джехунгира, Газнави продолжал: — Мы попросим козаков провести переговоры о пленниках на границе степей в Форте Гори. Как обычно, мы отправимся туда с отрядом и разобьем лагерь снаружи замка. Они придут с такими же силами и начнутся переговоры с обычным недоверием и подозрительностью. Но в этот раз мы возьмем с собой, вроде как случайно, нашу прекрасную пленницу. — Октавия изменилась в цвете и стала прислушиваться с повышенным интересом, когда советник кивнул в ее сторону. — Она использует все свои уловки, чтобы привлечь внимание Конана. Это не будет трудно. Для этого дикого разбойника она покажется ослепляющим светом очарования. Ее жизненная и крепкая фигура быстрее привлечет к себе внимание, чем любая из кукольных красавиц твоего сераля.

Октавия вскочила, сквав свои белые кулаки. Ее глаза горели, а тело тряслось от бешено злости.

— Вы собираетесь заставить меня силой играть проститутку с этим варваром? — воскликнула она. — Я не буду! Я не рыночная шлюха, чтобы ухмыляться и строить глазки степному разбойнику. Я дочь немедийского властелина...

— Ты была немедийской дворянкой до того, как мои воины не привезли тебя сюда, — цинично ответил Джехунгир. — А сейчас ты просто рабыня, которая будет делать то, что ей прикажут.

— Я не буду! — яростно ответила она.

— Наоборот, — возразил Джехунгир, жестоко глядя на нее, — ты будешь. Мне нравится план Газнави. Продолжай, лучший среди советников.

— Конан вероятно захочет купить ее. Конечно же, ты откажешься продать ее или обменять на гирканских пленников. Он может затем попробовать выкрасть ее или взять силой... хотя я не думаю, что даже он может нарушить перемирие при переговорах. В любом случае мы должны быть готовы ко всему, что он может предпринять.

— Затем, вскоре после переговоров, до того, как он успеет забыть о ней, мы пошлем к нему посла под флагом переговоров, обвиняя его в том, что он похитил девушку и потребуем ее вернуть. Он может убить посла, но по крайней мере будет думать, что она сбежала.

— Затем мы пошлем к нему шпиона — это будет етийский рыбак — в казацкий лагерь, который скажет ему, что Октавия прячется на Ксапуре. Насколько я знаю людей, он помчится прямо в это место.

— Но он может прийти и не один, — возразил Джехунгир.

— Разве человек будет брать с собой целую толпу воинов, если он собирается встретить женщину, которую желает? — ответил Газнави. — Вполне вероятно, что он придет один. Но нам нужно подумать и о других вариантах. Мы будем ждать его не на острове, где сами можем оказаться в ловушке, а в болотистых зарослях тростника в тысяче ярдов от Ксапура. Если он приведет крупные силы, мы удалимся и подумаем о другом плане. Если он придет один или с небольшим отрядом, мы схватим его. Будь уверен, он придет, помня об очаровательной улыбке и многозначительных взглядах твоей рабыни.

— Я никогда не опущусь до такого позора! — Октавия была вне себя от ярости и унижения. — Я скорее умру!

— Ты не умрешь, моя непослушная красавица, — сказал Джехунгир, — но ты подвергнешься очень болезненной и унизительной процедуре.

Он хлопнул в ладоши и Октавия побледнела. В этот раз вошел не кушит, а шемит, мускулистый мужчина среднего веса с короткой курчавой черной бородой.

— Для тебя есть работа, Гилзан, — сказал Джехунгир. — Возьми эту глупышку и поиграй с ней немного. Но только будь осторожен, не испортить ее красоту.

С нечленораздельным мычанием шемит схватил Октавию за руки своими железными пальцами и ее вызывающее поведение мгновенно улетучилось. Она вырвалась с жалобным криком и бросилась на колени перед неумолимым господином и в сбивчивых рыданиях просила прощения.

Джехунгир жестом удалил разочарованного палача и сказал Газнави:

— Если твой план сработает, я насыплю тебе полный подол золота.

В предрассветной темноте необычный звук побесокоил одиночество, нависшее над тростниками зарослями и покрытой туманом прибрежной водой. Но звук издавала ни сонная водная птица, ни проснувшееся животное. Это был человек, который шел шатаясь сквозь густой тростник, поднявшийся выше человеческого роста.

Если бы кто-то мог его здесь увидеть, он увидел бы женщину, высокую и желтоволосую. Ее прекрасные руки и ноги были хорошо видны под облекившей их туникой. Октавия сбежала по настоящему, до сих пор трясясь каждой жилкой своей оскорбленной натуры от пребывания в пленах, которое стало непереносимым.

Господство Джехунгира было достаточно плохим; но с дьявольской предусмотрительностью Джехунгир отдал ее дворянину, чье имя стало нарицательным в Хаварисе, означая выродка.

Упругое тело Октавии тряслось и дрожало от воспоминаний. Отчаяние придало ей сил и она сбежала из дворца Джелал Хана по веревке, сделанной из полос разорванных гобеленов. Ей повезло и она наткнулась на привязанную лошадь. Она скакала всю ночь и к рассвету загнала коня, добравшись до заболоченного морского берега. Дрожа от мысли, что ее могут вернуть обратно к Джелал Хану и помня какая судьба ей там уготована, она полезла в топкие заросли в поисках места, где она могла бы укрыться от ожидаемой погони. Когда заросли тростника стали не такими густыми, а вода поднялась ей до бедер, она увидела впереди себя смутно маячивший остров. Между ним и ею была обширная масса воды, но она не колебалась. Она шла до тех пор, пока низкие волны не стали достигать до ее талии; затем она сильно оттолкнулась и поплыла с энергичностью, которая выдавала необычную выносливость.

Когда она приблизилась к острову, то увидела, что он торчит из воды отвесными утесами, словно замок. Наконец она достигла его, но не нашла уступа ни чтобы встать на него под водой, ни чтобы вскарабкаться на него. Она поплыла дальше, вдоль кривой линии утесов. Из-за напряжения от длинного плавания ее конечности стали наливаться тяжестью. Руки цеплялись за отвесный камень и неожиданно нашли углубление. С плачущим вздохом облегчения она выбралась туда из воды, белая мокрая богиня в тусклом звездном свете.

Она выбралась на то, что было похоже на ступеньки, высеченные в утесе. Поднимаясь наверх, придерживаясь за камни, она услышала слабый приглушенный всплеск весел. Октавия напрягла свой взор и ей показалось, что она увидела нечеткую массу, двигающуюся в направлении тростниковых зарослей, которые она только что покинула. Но это было очень далеко от нее чтобы быть уверенным в такой темноте; вскоре слабый звук прекратился и она продолжила свой подъем. Если это были ее преследователи, то лучше всего было спрятаться на острове. Она знала, что большинство островов на этом заболоченном побережье необитаемы. Этот остров мог бы оказаться логовом пиратов, но даже пираты были предпочтительней, чем то животное, от которого она сбежала.

Разные мысли носились у нее в голове, пока она поднималась наверх. Октавия мысленно сравнивала своего бывшего господина с казацким главарем, с которым ей пришлось бесстыдно флиртовать в палатках лагеря у Форта Гори, где гирканский лорд вел переговоры со степными воинами. Его горящий пристальный взгляд пугал и унижал ее, но его первобытная, стихийная свирепость ставила его выше Джелал Хана, монстра, которого может произвести только изнеженная в роскоши цивилизация.

Она добралась до края утеса и робко смотрела на плотные тени, нависавшие над ней. Недалеко от утесов росли деревья, образуя сплошную массу черноты. Что-то прожужжало над ее головой и она съежилась, хотя поняла что это всего лишь летучая мышь.

Ей не нравился вид этих эбеновых теней, но она сжала зубы и пошла в их сторону, стараясь не думать о змеях. Ее босые ноги не производили ни малейшего шума на рыхлой почве под деревьями.

Пугающая темнота между ними окружила ее. Не прошла она и дюжины шагов, как уже не могла рассмотреть утесов и моря у себя за спиной. Еще несколько шагов и девушка безнадежно запуталась и потеряла всякое чувство направления. Сквозь переплетенные ветви не проглядывали даже звезды. Она стала медленно продвигаться ощупью и неожиданно остановилась.

Где-то впереди нее послышался ритмический бой барабана. Это был не тот звук, который она ожидала бы услышать в это время в этом месте. Но она забыла о нем, когда осознала, что рядом кто-то есть. Она не могла видеть, но знала, что кто-то стоит рядом с ней в темноте.

С сжатым криком Октавия бросилась обратно, и когда она это сделала, что-то обхватило ее за пояс. Несмотря на охвативший ее ужас, она осознала, что это были человеческие руки. Она вскрикнула и вложила все свои юные силы в яростный удар, пытаясь освободиться, но ее пленитель держал ее словно ребенка, с легкостью преодолевая отчаянное сопротивление. Молчание, с которым воспринимались ее отчаянные просьбы и протесты, увеличили ее испуг, когда она почувствовала, что ее несут сквозь темноту к удаленному барабанному бою, который все еще ритмично и тихо звучал впереди.

Когда море только-только порозовело от первых лучей встающего солнца, к утесам приблизилась маленькая лодка с одним человеком. Мужчина в лодке выглядел очень колоритно. Вокруг его головы был завязан темно-красный платок; широкие шелковые штаны огненного цвета удерживались широким поясом, на котором висела кривая сабля в шагреневых ножнах. По отделанной золотом кожаной обуви можно было предположить, что это скорее всадник, чем моряк, но он умело управлял своей лодкой. Из-под его распахнутой белой шелковой рубашки виднелась широкая, мускулистая, загорелая на солнце грудь.

На мышцах его тяжелых бронзовых рук выдавались бугры, когда он налегал на весла почти с кошачьей ловкостью в движениях. Полный жизненных сил, которые сквозили в каждой его черте и в каждом движении, отделяли его от большинства людей; выражение его лица не было ни свирепым, ни угрюмым, хотя в голубых глазах тлели искорки легко возбудимой ярости. Это был Конан, который пришел в военные лагеря козаков, не имея ничего, кроме своего ума и своего меча, и которые проложил себе путь к руководству над ними.

Он приблизился к высеченным в утесе ступенькам, которые были ему известны, и причалил лодку под укрытие скалы. Затем он стал без колебаний подниматься по стертым ступеням. Он был насторожен, но не потому, что подозревал прячущуюся опасность, а потому, что настороженность была частью его самого, выработанная тем суровым образом жизни, который он вел.

То, что Газнави считал звериной интуицией или каким-то шестым чувством, было просто большими способностями и первобытным умом варвара. Никакой инстинкт не говорил Конану, что в зарослях тростника у материка прячутся люди.

Когда он карабкался по утесу, один из этих людей глубоко дышал и втихомолку поднимал лук. Джехунгир схватил его за руку и прошипел ругательство ему на ухо.

— Дурак! Ты хочешь выдать нас? Ты что, не понимаешь, что он вне пределов досягаемости выстрела? Пусть идет на остров. Он будет искать там девушку. А мы тем временем подождем его. Он может почувствовать наше присутствие или догадаться о наших планах. Где-то могут быть спрятаны его воины. Мы подождем. Через час, если ничего подозрительного не случится, мы приблизимся к подножию лестницы и будем ждать его там. Если он не вернется за разумное время, некоторые из нас пойдут на остров и погонят его вниз. Но я не хотел бы, чтобы дошло до этого. Некоторые из нас наверняка погибнут, если мы пойдем за ним в эти заросли. Я предпочел бы перехватить его во время спуска по лестнице, где мы смогли бы украсить его перьями стрел с безопасного расстояния.

Тем временем ничего не подозревающий варвар углубился в лес. Он двигался бесшумно в своей мягкой кожаной обуви, его пристальный взгляд внимательно изучал каждую тень в желании обнаружить превосходную желтоволосую красавицу, о которой он думал постоянно с тех пор, как увидел ее в палатах Джехунгира Аги у Форта Гори. Он желал бы ее даже если бы она показывала свое отвращение к нему. Но ее загадочные улыбки и мимолетные взгляды зажигали его кровь и всей своей дикой свирепостью, которую он унаследовал, он желал эту белокожую золотоволосую женщину из цивилизованного мира.

Он бывал на Ксапуре раньше. Меньше чем месяц тому назад он провел здесь тайное совещание с пиратской шайкой. Он знал, что сейчас приближается к тому месту, откуда будут видны загадочные руины, которые дали острову его название, и думал, что девушка скорее всего прячется там. С этой мыслью он остановился как вкопанный.

Впереди него, между деревьями поднималось нечто, о чем его рассудок говорил ему, что это

невозможно. Это была большая темная зеленая стена, с башнями, виднеющимися за ее зубцами.

Конан стоял парализованный в недоумении. Это деморализовало бы любого, кто столкнулся бы с явлением, невозможным с точки зрения здорового рассудка. Он не сомневался ни в своем зрении, ни в своем разуме, но что-то пугающе несовместимое было перед ним. Меньше месяца тому назад только разрушенные руины виднелись между деревьями. Какие человеческие руки могли воздвигнуть такую громаду, стоящую у него перед глазами, всего за несколько недель? Кроме того, пираты, которые непрерывно странствовали по Вилайетскому морю, знали бы о любой работе такого огромного масштаба и сообщили бы об этом козакам.

Этому не было никакого объяснения, но это было так. Конан был на Ксапуре и эта фантастическая груда возвышающейся каменной кладки была на Ксапуре, и все это было безумством и парадоксом; но еще это было истиной.

Он повернулся, чтобы бежать обратно сквозь заросли, вниз по высеченной лестнице через голубые воды к удаленному лагерю в устье Запороски. В этот момент безумной паники даже мысль о том, чтобы находиться рядом с внутренним морем была отвратительной. Он хотел покинуть его, покинуть военные лагеря и степи и убраться за тысячу миль от этого пугающего, загадочного Востока, где самые фундаментальные законы природы могут нарушаться дьявольскими силами, о которых он и не догадывался.

Какое-то мгновение будущая судьба королевств, зависящая от этого пестро одетого варвара, колебалась на чаше весов. Его глаза поймали маленький предмет трепыхавшийся на ветру — просто лоскуток шелка, зацепившийся за куст. Он прыгнул к нему, его ноздри расширились, нервы затрепетали от неуловимого возбуждения. На этом крошечном обрывке одежды остался дразнящий запах, такой слабый что не физические способности, а какое-то смутное инстинктивное чувство уловило его. Этот запах соединялся в его мозгу с образом сладкой, плотной женщины, которую он видел в палатке Джехунгира. Значит рыбак не солгал; она была здесь! Затем на земле он увидел след, след босой ступни, длинный и стройный, но мужской, а не женский, и вдавленный в грунт сильнее обычного. Объяснение было естественным; мужчина, который оставил этот след, нес груз, и что это могла быть за ноша, если не девушка, которую искал козак?

Конан молча стоял перед темными башнями, которые поднимались между деревьев. В его глазах горел голубой огонь. Желание обладать желтоволосой женщиной соперничало с мрачным, первобытным неистовством, которое когда-либо овладевало им. Но его человеческая страсть победила нечеловеческие страхи, и он припал к земле как охотящаяся пантера и заскользил по направлению к стенам, прячась под густой листвой, чтобы не быть замеченным.

Приблизившись, он увидел, что стены сложены из того же зеленого камня, из которого были руины, и он смутно угадывал в них что-то знакомое. Это было так, словно он смотрел на то, что никогда не видел раньше, но что мысленно воображал. Наконец он понял, в чем дело. Стены и башни следовали плану руин. Это было так, словно разрушенные линии опять выстроились в структуру, которая была раньше.

Ни один звук не побеспокоил утреннего спокойствия, когда Конан подкрался к подножию стены, которая отвесно поднималась из буйной растительности. На южных просторах внутреннего моря растительность была почти тропической. Он никого не увидел на зубцах башни, не услышал ни одного звука. Недалеко от себя, слева он увидел массивные ворота, но у него не было оснований предполагать, что они не закрыты и не охраняются. Но он считал, что женщина, которую он искал, была где-то за этой стеной, и путь, который он выбрал, граничил с характерным для него безрассудством.

Над ним увитые виноградной лозой ветки простирались в сторону зубцов стены. Конан как кошка забрался на большое дерево, пока не оказался выше парапета. Обхватив обеими руками

толстую ветку он стал раскачивать ее взад и вперед на длину руки и уловив момент катапультировался на стену. Припав там к поверхности он стал смотреть вниз, на улицы города.

Периметр стены был небольшим, но число домов из зеленого камня, которое за ней находилось, было удивительным. Они имели три или четыре этажа в высоту, в основном с плоскими крышами и отражали хороший архитектурный стиль. Улицы сходились как спицы в колесе к двору восьмиугольной формы в центре города, в котором стояло высокое здание, чьи башни и купола доминировали над всем городом. Он не видел никакого движения на улицах и в окнах, хотя солнце уже взошло. Над городом царила тишина, которая могла быть только в мертвом или покинутом городе. Недалеко от него со стены спускалась узкая каменная лестница; он пошел по ней вниз.

Дома стояли так близко от стены, что на полпути до спуска он оказался на расстоянии вытянутой руки от окна и остановился, чтобы посмотреть внутрь. В нем не было никаких решеток и шелковые занавески были оттянуты атласными веревками. Он заглянул в комнату. Ее стены были спрятаны под темными гобеленами, пол покрыт толстыми коврами. Там были скамейки из полированного эbonита и помост из слоновой кости, заваленный мехами.

Он собирался уже продолжить свой спуск, когда услышал чей-то приближающийся звук внизу на улице. До того, как неизвестный человек успел обогнуть угол и увидеть его на лестнице, он быстро шагнул через разделяющее пространство и легко прыгнул в комнату, вынув свою кривую саблю. Мгновение он стоял как статуя; затем, когда ничего не произошло, пошел по коврам к дверному проему с аркой наверху. В этот момент портьера отдернулась в сторону, открывая устеленный подушками альков, из которого на него смотрела томным взглядом темноволосая женщина.

Конан посмотрел на нее напряженно, ожидая, что она сейчас поднимет крик. Но она просто прикрыла зевок лакомой рукой, поднялась с алькова и небрежно прислонилась к портьере, которую держала одной рукой.

Она без сомнения принадлежала белой расе, хотя ее кожа была очень темной. Ее ровно подстриженные волосы были черные, как полночь. Единственной одеждой на ней был кусок шелка на поясе.

Она заговорила, но ее язык был ему неизвестен и он покачал своей головой. Она снова зевнула, гибко потянулась и не показывая страха или удивления перешла на язык, который он понимал, диалект етшийского, который звучал очень архаично.

— Ты что нибудь ищешь? — спросила она так безразлично, будто вторжение в ее комнату вооруженных чужаков было самой привычной вещью.

— Кто ты? — спросил он.

— Я Ятели, — ответила она томно. — Я пировала допоздна в эту ночь, поэтому я такая сонная. А ты кто?

— Я Конан, гетьман козаков, — ответил он, наблюдая за ней прищурившись. Он считал, что ее поведение было наигранным и ожидал, что она попробует сбежать из комнаты или поднять на ноги дом. Но, хотя бархатная веревка, которая могла быть сигнальным шнурком, висела рядом с ней, она не попыталась ей воспользоваться.

— Конан, — сонно повторила она. — Ты не дагониец. Мне кажется, что ты наемник. Ты перерезал глотки многим етшийцам?

— Я не воюю с водными крысами, — фыркнул он.

— Но они такие ужасные, — прошептала она. — Я помню, как они были нашими рабами. Но они восстали и жгли и убивали. Только волшебство Хосатрала Хела удерживало их от стен...

— она замолчала. Озадаченный взгляд боролся с сонливостью. — Я забыла, — прошептала она. — Последней ночью они карабкались по стенам. Был огонь и стрельба и люди напрасно

взвывали к Хосатралу, — она потрясла своей головой, пытаясь прояснить свои мысли. — Но этого не может быть, — прошептала она, — потому что я живая, а я думала, что я умерла. О, к дьяволу все это!

Она прошла через комнату и взял Конана за руку повела его к возвышению. Он уступил в замешательстве и растерянности. Девушка улыбалась ему, как сонный ребенок; ее длинные шелковые косы спадали над темными, затуманенными глазами. Она пробежала пальцами по его густым черным волосам, будто желая удостовериться в его реальности.

— Это был сон, — зевнула она. — Возможно, это все сон. Я чувствую себя так, будто сплю. Но меня это не волнует. Я чего-то не могу вспомнить... Я забыла... Есть что-то такое, чего я не могу понять, но я становлюсь такой сонной, когда пытаюсь думать. В любом случае, это не важно.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он беспокойно. — Ты говорила, что они карабкались по стенам последней ночью. Кто?

— Етийцы. Во всяком случае, я так думала. Все скрылось в облаках дыма, и обнаженный, запачканный кровью дьявол схватил меня за горло и всадил свой нож в мою грудь. О, это было больно! Но это был сон, потому что видишь, здесь нет никакого шрама. Она лениво осмотрела свою гладкую грудь и затем уселась Конану на колени и обвила своими гибкими руками его массивную шею. — Я не могу вспомнить, — шептала она, укладывая свою темную голову на его могучей груди. — Все такое смутное и загадочное. Но это не важно. Ты — не сон. Ты сильный. Давай жить, пока можно. Люби меня!

Он убаюкивая качал лоснящуюся голову девушки своей согнутой рукой и поцеловал ее полные красные губы с неподдельным пристрастием.

— Ты сильный, — повторяла она; ее голос слабел. — Люби меня... люби... — Сонный шепот затих; темные глаза закрылись, длинные косы рассыпались по ее чувственным щекам; гибкое тело расслабилось в руках Конана.

Он нахмурился, глядя на нее. Она казалась частью миража, который овладел всем городом, но твердая упругость ее конечностей под его пальцами убеждала его что она была живой человеческой девушкой в его руках, а не тенью из сна. Не беспокоя ее больше, он торопливо уложил девушку на меха на возвышении. Ее сон был слишком глубоким, чтобы быть естественным. Он решил, что она скорее всего находится под воздействием какого-то наркотика, возможно похожего на черный лотос с Ксутала.

Затем он заметил еще одну вещь, заставившую его задуматься. Среди мехов на помосте была ярко расцвеченная шкура, преимущественно золотого цвета. Это была не искусственная копия, а шкура настоящего животного. И это животное, насколько было известно Конану, вымерло по крайней мере тысячу лет тому назад; это был большой золотой леопард, о котором рассказывалось в гиборейских легендах и чьи изображения древние художники сделали на пергаменте и мраморе.

Тряхнув в замешательстве своей головой, Конан вышел в извилистый коридор. В доме стояла тишина, но снаружи он услышал звук, в котором его чуткое ухо распознало что-то поднимающееся по ступенькам на лестнице, с которой он вошел в здание. Спустя мгновение он вздрогнул, услышав как что-то приземлилось с мягким но тяжелым ударом на пол в комнате, которую он только что покинул. Быстро развернувшись, он заспешил по извилистому коридору, пока что-то на полу не заставило его остановиться.

Это была человеческая фигура, которая лежала наполовину в зале, наполовину в проеме, в котором вместо двери были двойные панели стены. Это был человек, темный и стройный, одетый только в шелковую набедренную повязку, с бритой головой и жестокими чертами лица. Он лежал так будто смерть захватали его в тот момент, когда он выходил из-за панели. Конан

склонился над ним, изучая причину смерти, и обнаружил, что тот просто погружен в такой же глубокий сон, что и девушка в комнате.

Но почему он выбрал такое место для сна? Конан задумался над этим, но тут же услышал за собой звук, заставивший его отвлечься от этих мыслей. Что-то двигалось по коридору в его направлении. Быстрый взгляд показал, что коридор заканчивался большой дверью, которая могла быть закрыта. Конан оттянул неподвижное тело с прохода и зашел внутрь, задвинув панель за собой. Щелчок сказал ему, что она встала на свое место. Стоя в совершенной темноте, он услышал, что шаркающие шаги остановились как раз против двери и слабый холодок пробежал по его спине. Это были шаги ни человека, ни животного, как он рассчитывал.

Несколько секунд было тихо, потом стало слышно слабый скрежет дерева и металла. Положив свою руку на дверь, он почувствовал, как она прогибается внутрь, словно гигантский вес давит равномерно на нее снаружи. Когда он взялся за свою саблю, давление прекратилось и он услышал странное, слюнявое чавканье, от которого волосы у него на голове встали дыбом. С саблей в руке он попятился назад и его пятки нашупали ступеньки, с которых он чуть не грохнулся. Он был на узкой лестнице, ведущей вниз.

Он пошел ощупью вниз в темноте в поисках другого проема в темноте, но не находя его. Когда он решил, что уже находится не в доме, а глубоко под землей, ступеньки закончились и он оказался в ровном туннеле.

Конан пошел вперед ощупью по черному бесшумному туннелю, опасаясь в любой момент провалиться в какую-нибудь невидимую яму; но наконец он опять наткнулся на ступеньки и пошел по ним вверх, пока не добрался до двери, на которой его пальцы нашупали металлическую задвижку. Он вошел в тускло освещенную величественную комнату неестественных пропорций. Фантастические колонны стояли около пестрых стен, поддерживая потолок, который был сумеречный и полупрозрачный и выглядел, как облачное полуночное небо, создавая иллюзию невозможной высоты. Если какой-либо свет и проникал через него, он был причудливо изменен.

В нависающих сумерках Конан двинулся по пустому зеленому полу. Большая комната была круглой. В одном ее конце находились большие бронзовые створки гигантской двери. Напротив них, на возвышении у стены к которому вели широкие закругленные ступени, стоял трон из меди, и когда Конан увидел, что свернулось на этом троне, то поспешил отступить, поднимая саблю.

Заметив, что создание не шевельнулось, Конан рассмотрел его с более близкого расстояния, а затем поднялся по стеклянным ступенькам и уставился на него. Это была гигантская змея, очевидно, высеченная из какого-то желто-зеленого материала. Каждая чешуйка на ней была словно настоящая, переливающие радугой цвета были искусно воспроизведены. Большая клинообразная голова была наполовину скрыта в кольцах ее туловища; ни челюстей, ни глаз не было видно. Воспоминания поднялись в его голове. Очевидно, эта змея изображала одного из болотных монстров, которые раньше обитали в тростниковых зарослях на южных берегах Вилайета. Но, как и золотой леопард, они исчезли много лет тому назад. Конан видел их грубые миниатюрные изображения среди идолов в етийских хижинах. Было также их описание в Книге Скелоса, которая основывалась на доисторических источниках.

Конана восхищал чешуйчатый торс, толщиной с его бедро и соответствующей длины. Он потянулся к нему и дотронулся любопытной рукой до твари. Когда он сделал это, его сердце чуть не остановилось. Ледяной холод остановил кровь в его венах и поднял волосы дыбом на голове. Под его рукой была не гладкая хрупкая поверхность из стекла, камня или металла, а пружинистая жилистая масса живого существа. Он почувствовал, как холодная вялая жизнь течет под его пальцами.

Его рука инстинктивно отдернулась назад. Сабля затряслась в руке, ужас, отвращение и страх почти задушили его и Конан бросился назад, вниз по стеклянным ступенькам с болезненным беспокойством, наблюдая с благоговейным трепетом за созданием, спящим на медном троне. Оно не шевелилось.

Он добрался до бронзовой двери и попробовал ее открыть. Он вспотел и сердце у него ушло в пятки при мысли, что он может оказаться запертym с этой ужасной тварью. Но створки двери раскрылись от его прикосновения и он проскользнул мимо них и закрыл за собой.

Конан обнаружил, что находится в широком коридоре с величественными стенами, покрытыми гобеленами, в котором мерцал такой же сумеречный свет. Из-за этого удаленные предметы выглядели нечетко и у него возникли беспокойные мысли, будто невидимые змеи скользят к нему в тусклом свете. Из-за иллюзорного света казалось, что до двери на другом конце целая миля. Рядом с ним один гобелен висел так, будто за ним был проход, и осторожно подняв его он обнаружил узкую лестницу, ведущую вверх.

Пока он колебался, из большой комнаты, которую он только что покинул, до него донеслись те же самые шаркающие шаги, которые он слышал за закрытой панелью. Кто-то преследовал его

по туннелю? Он торопливо побежал по лестнице, закрыв за собой гобелен.

Оказавшись вскоре в извилистом коридоре, он свернул в ближайший дверной проем. В его бесполезных пока блужданиях была двойная цель: выбраться из дома и его загадочных явлений, и найти немедийскую девушку. Варвар чувствовал, что она находится под стражей где-то в этом дворце или часовне или чем оно там было. Он считал, что это покрытое куполом строение в центре города. Весьма вероятно, что здесь обитает правитель города, к которому без сомнения доставили девушку.

На этот раз он оказался в комнате, а не в другом коридоре, и уже собирался вернуться обратно, как услышал голос за одной из стен. В этой стене не было никакой двери, но подошел ближе и слышал достаточно отчетливо. И ледяной холод пробежал медленно по его спине. Язык был немедийский, но голос был не человеческий. В нем звучал ужасающий резонанс, словно полночный колокольный звон.

— В первобытном хаосе не было никакой жизни, не считая тех, кто присоединился ко мне, — мерно звенел он. — Там не было ни света, ни звука, ни движения. Только побуждение из потустороннего мира вело меня в этом путешествии вверх, слепом, бесчувственном, безжалостном. Через годы и годы, через неизменные толщи темноты я карабкался...

Заколдованный этим звенящим резонансом, Конан приник к земле, забыв обо всем другом, пока гипнотическая энергия вызывала странное изменение способностей и восприятия, а звук вызывал зрительные иллюзии. Конан больше не ощущал голоса, а только отдаленные волны звука. Перенесенный из своего времени и из своей индивидуальности, он видел превращение человека, называвшегося Хосатралом Хелом, который выполз из Ночи и видел первобытный хаос каким он был много лет тому назад, облеченный в субстанцию материальной вселенной.

Но человеческая плоть была слишком хрупкой, слишком ничтожной, чтобы сдержать сущность того, чем был Хосатрал Хел. И вот он стоял в человеческом облике, но его плоть не была плотью; его кость не была костью; его кровь не была кровью. Он стал вызовом всей природе, так как вызвал к жизни, мышлению и деятельности базовую субстанцию, которая раньше никогда не испытывала биения ритмов жизни.

Он шел по миру, словно бог, так как никакое земное оружие не могло повредить ему, и для него век был подобен часу. В своих странствиях он пришел к первобытному народу населявшему остров Дагония и ему захотелось дать этой расе культуру и цивилизацию. С его помощью они построили город Дагон, стали там жить и служить ему. Странными и мрачными были его слуги, вызываемые из темных уголков планеты, где все еще скрывались мрачные создания из забытого прошлого. Его дом в Дагоне был соединен туннелями со всеми другими домами в городе и по нем им бритоголовые жрецы приносили ему жертвы.

Но спустя многие годы пылкий и грубый народ появился на берегах моря. Они называли себя етшийцами и после жаркого сражения были разгромлены и порабощены, и в течении жизни целого поколения они умирали на алтарях Хосатрала.

Его колдовство держало их в подчинении. Но затем один из жрецов, странный мрачный мужчина неизвестной расы отправился в дикие земли, и когда он вернулся, он принес нож, который был сделан из неземного вещества. Он был выкован из метеора, который вспышкой промчался по небу, словно пылающая стрела, и упал в отдаленной долине. Рабы восстали. Их зубчатые серпы резали дагонийцев словно овец, а против неземного ножа колдовство Хосатрала было бессильно. Пока резня и убийство продолжались в красном дыму, окутавшем улицы, самый трагический акт этой угрюмой драмы разыгрался под загадочным куполом в пестрых словно кожа змеи стенах большой комнаты с возвышением и медным троном на нем.

Из-под этого купола етшийский жрец вышел один. Он не убил своего врага, так как хотел сохранить угрозу его освобождения над головами своих мятещихся подчиненных. Он оставил

Хосатрала лежащим на золотом помосте с волшебным ножом поперек его груди. Заклинание удерживало его бесчувственным и неподвижным до скончания дней.

Но годы шли и жрец умер, башни покинутого Дагона разрушились, истории стали расплывчатыми, етшийцы обессиляли от голода и чумы, а война рассеяла их остатки, обитавшие в нищете на побережье моря.

Только таинственный купол боролся со временем, пока случайный удар грома не разрушил его, а любопытный рыбак не поднял с груди золотого бога волшебный нож и не разрушил заклинание. Хосатрал Хел поднялся и стал живым, еще более могущественным, чем раньше. Ему захотелось восстановить город таким, каким он был в дни до его падения. Своими злыми чарами он поднял башни из пыли забытых тысячелетий, а также вызвал к жизни людей, которые были пылью многие годы.

Но люди, которые отведали вкус смерти, были живыми только отчасти. В темных уголках их души и разума смерть подстерегала их. Ночью народ Дагона двигался и любил, ненавидел и пировал, и падение Дагона было в их памяти словно смутный сон; они двигались в чарующем тумане иллюзии, ощущения странности их существования, но не искали этому объяснения. С приходом дня они погружались в глубокий сон, чтобы вновь подняться с приходом ночи, которая сродни смерти.

Все это пронеслось в потрясающей панораме перед сознанием Конана, когда он приник к земле за покрытой гобеленом стеной. Его рассудок пошатнулся. Все разумное и здравое было сметено, оставив призрачную вселенную, сквозь которую крались укутанные фигуры с вызывающими ужас возможностями. Сквозь звенящий голос, который был словно мерные удары триумфа над царившими на планете нормальными законами природы, человеческий голос вытащил рассудок Конана из полета над безбрежными сферами безумства. Это был истерический плач женщины.

Конан непроизвольно вскочил.

Джехунгир Ага ожидал с нарастающим нетерпением в своей лодке в тростниковых зарослях. Уже прошло больше часа, а Конан не возвращался. Без сомнения он все еще искал на острове девушку, так как думал, что она прячется там. Но Агу беспокоило другое подозрение. Что если гетьман оставил своих воинов недалеко отсюда и если они заподозрят неладное и отправятся выяснить причину его долгого отсутствия? Джехунгир отдал приказ людям, сидевшим на веслах и длинная лодка выскользнула из зарослей и понеслась к высеченным в скале ступенькам.

Оставив полдюжины людей в лодке, он взял остальных, десять могучих лучников из Хавариса в остроконечных шлемах и одежду из тигриной шкуры. Словно охотники на льва, они украдкой шли вперед, прячась под деревьями, положив стрелы на тетивы. Тишина воцарилась над лесом. Лишь однажды что-то большое и зеленое, скорее всего попугай, пронеслось у них над головами с тихим шорохом широких крыльев и исчезло между деревьев. Резким жестом Джехунгир остановил свой отряд и они недоверчиво уставились на башни, выглядывающие из растительности недалеко от них.

— Тарим! — прошептал Джехунгир. — Пираты восстановили руины! Конан без сомнения здесь. Нам нужно исследовать это. Укрепленный город так близко от материка!.. Идем!

С удвоенной осторожностью они заскользили между деревьев. Правила игры изменились. Из преследователей и охотников они превратились в шпионов.

И когда они пробирались сквозь густую растительность, человеку, которого они искали угрожала опасность более смертельная, чем их стрелы.

Когда Конан осознал, что звнящий голос за стеной замолчал, у него по коже побежали мурашки. Он стоял неподвижный как статуя, уставившись на занавешенную дверь. Он знал, что сейчас в ней появится что-то ужасное.

В комнате был тусклый, неясный свет и у Конана на голове стали подниматься волосы от того, что он увидел. Он увидел голову и гигантские плечи, вырастающие из сумеречного купола. Не было звуков шагов, но большая расплывчатая форма становилась все более отчетливой, пока Конан не узнал в ней фигуру мужчины. Он был одет в сандалии, рубашку и широкий шагреневый пояс. Его ровно подстриженные волосы были перетянуты золотой полоской. Конан смотрел на размах плеч, на ширину вздывающейся груди, на бугры мышц на торсе, на руках, на ногах. На лице не было ни слабости, ни милосердия. Глаза были шарами темного огня. Конан знал, что это был Хосатрал Хел, древнейшее создание из первобытного хаоса, бог Дагонии.

Ни одного слова не было сказано. Слова были не нужны. Хосатрал протянул свои огромные руки. Конан проскользнул под ними, ударив в гигантский живот. Затем он отскочил назад с глазами, горящими от удивления. Острый край зазвенел о могучее тело, как об наковальню, и отскочил не оставив пореза. Хосатрал стал нависать над ним непреодолимой волной.

Затем был сокрушительный толчок, напряжение тел и переплетение конечностей. Потом Конан отпрыгнул, дрожа каждым мускулом от неистовых усилий; кровь текла там, где пальцы разорвали его кожу. В это мгновение контакта он осознал беспредельное безумство этой богохульной натуры; он ушибся не о человеческую плоть, а об движущийся и чувствующий метал; ему противостояло тело из живого железа.

Хосатрал нависал над воином в полумраке. Если позволить этим огромным пальцам однажды сомкнуться, они не отпустят, пока человеческое тело не повиснет безжизненно в их объятиях. В этой тускло освещенной комнате создавалось впечатление, будто человек дерется с монстром из ночного кошмара.

Бросив на пол бесполезную саблю, Конан схватил тяжелую скамью и бросил ее со всей силой. Он метнул то, что другие несколько человек не смогли бы даже поднять. Но на могучей груди Хосатрала она раскололась на куски и осколки. Гигант даже не пошатнулся на своих широко расставленных ногах. В его лице исчезло все человеческое, огненный ореол заиграл над его устрашающей головой и, словно движущаяся башня, он пошел вперед.

Отчаянным рывком Конан оторвал целый кусок гобелена со стены и раскрутив его с усилием еще большим, чем когда бросал скамейку, он набросил его на голову гиганта. Какое-то мгновение Хосатрал барабанил, задыхнувшись и ослепленный облепившей его материей, сумевшей противостоять его силе, хотя этого не могли сделать ни дерево, ни железо. И в это мгновение Конан схватил свою саблю и выскочил в коридор. Не останавливаясь он добежал до двери в примыкающую комнату, захлопнул дверь и закрыл ее на засов.

Когда он развернулся, то на мгновение замер. Кровь ударила ему в голову. Припав к куче шелковых подушек, рассыпав золотые волосы по обнаженным плечам с пустыми от ужаса глазами там была женщина, которую он так сильно желал. Он почти забыл о том кошмаре, который преследует его, пока треск за спиной не привел его в чувство. Он схватил девушку и помчался к противоположной двери. Она была совершенно беспомощна от испуга, чтобы сопротивляться или помогать ему. Слабое хныканье было единственным звуком, на который она была способна.

Конан не стал терять времени, дергая дверь. Сильным ударом сабли он выбил замок и оказался на лестнице, которая была за дверью. В этот момент он увидел голову и плечи Хосатрала, пробивающего другую дверь. Колосс раскалывал массивные створки, словно они были картонными.

Конан помчался вверх по лестнице, неся крупную девушку на плече так легко, будто это был ребенок. Он не думал, куда бежит. Лестница закончилась у двери в круглую комнату с куполообразным потолком. Хосатрал несся за ними по лестнице, молчаливый как ветер смерти, и такой же быстрый.

Стены комнаты были из крепкой стали. Такой же была и дверь. Конан закрыл ее и задвинул большие засовы, которыми она была оборудована. Ему пришла в голову мысль, что это была комната Хосатрала, в которой он закрывался сам, чтобы спать не опасаясь тех монстров, которых он вытянул из Преисподней, чтобы они служили ему.

Едва засовы встали на место, как дверь затряслась и задрожала под натиском гиганта. Конан пожал плечами. Это был конец пути. В комнате не было другой двери и ни одного окна. Воздух и странный, неясный свет очевидно проникали через отверстия в куполе. Он проверил зазубренный край своей сабли, хладнокровно осознавая то, что он оказался в западне. Он сделал все что можно для спасения; когда гигант доберется сюда, выломав дверь, он снова бросится в яростную атаку с бесполезной саблей, но не потому что надеется чего-то этим достичь, а потому, что в его натуре было умереть сражаясь. А сейчас не нужно совершать никаких действий, поэтому его спокойствие не было притворным или наигранным.

Взгляд, который он обратил на свою прекрасную спутницу, был таким восхищающимся и пылким, словно он собирался жить еще сотню лет. Он бесцеремонно положил ее на пол, когда закрывал дверь, а сейчас она встала на колени, механически приводя в порядок свои локоны и скучную одежду. В глазах Конана засветилось одобрение и они жадно пожирали ее густые золотые волосы, ее ясные широкие глаза, ее молочную кожу, гладкую и здоровую, плотные округлости ее груди, контуры ее великолепных бедер.

Она издала тихий крик, когда дверь затряслась и засов застонал.

Конан не оглянулся. Он знал, что какое-то время дверь еще продержится.

— Они сказали мне, что ты сбежала, — сказал он. — Етийский моряк сказал мне, что ты

прячешься здесь. Как тебя зовут?

— Октавия, — выдохнула она механически. Затем слова полились потоком. Она схватилась за него отчаянными пальцами. — О Митра! Что это за ночной кошмар? Люди... темнокожие люди... один из них поймал меня в лесу и принес сюда. Они привели меня к... к этому... этому созданию. Он сказал мне... Он сказал... Может я сошла с ума? Может, это сон?

Он мельком взглянул на дверь, которая прогнулась внутрь словно от удара тарана.

— Нет, — ответил он. — Это не сон. Эти петли скоро не выдержат. Странно, что дьявол разбивает дверь, словно обычный человек; правда, сила у него дьявольская.

— Ты не можешь убить его? — спросила она, тяжело дыша. — Ты сильный.

Конан был слишком правдивый, чтобы лгать ей.

— Если бы смертный мог убить его, он был бы мертв, — ответил он. — Я затупил свое лезвие о его живот.

Ее глаза потускнели.

— Так значит, ты должен умереть, и я должна... о Митра! — она вскрикнула с неожиданным бешенством. Конан схватил ее за руки, боясь, как бы она сама себя не поранила. — Он сказал мне, что собирается со мной сделать! — прокричала она задыхаясь. — Убей меня! Убей меня своей саблей до того, как он выломает дверь!

Конан поглядел на нее и покачал головой.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал он. — Это не много, но я дам тебе шанс проскользнуть мимо него вниз по лестнице. Затем беги к утесам. Я привязал лодку у подножия ступенек. Если ты выберешься из дворца, ты еще можешь спастись. Жители этого города сейчас все спят.

Она уронила свою голову ему на руки. Конан поднял свою саблю и пошел к трещащей двери. Наблюдая за ним нельзя было заметить, что он ожидал неизбежной смерти. В его глазах горел живой огонек; его мускулистая рука крепко обхватила рукоятку сабли. Это был конец.

Петли не выдержали ужасного натиска гиганта и дверь бешено закачалась, удерживаемая только засовами. И эти крепкие стальные прутья сгибались, прогибались в своих гнездах. Конан наблюдал с почти безучастным очарованием, завидуя нечеловеческой силе монстра.

Затем, без всякого предупреждения атака прекратилась. В наступившей тишине Конан услышал другие звуки где-то снаружи дворца — удары крыльев и приглушенный голос, который звучал словно ночной шелест ветра в ветвях. Вскоре опять наступила тишина, но в воздухе появилось какое-то новое ощущение. Только развитые варварские инстинкты могли уловить это, но Конан знал, не видя и не слыша этого, что хозяин Дагона не стоит больше за дверью.

Он посмотрел сквозь трещину, которая появилась в стальных дверях. Лестничная площадка была пуста. Он отодвинул покоробившиеся засовы и осторожно приоткрыл прогнувшуюся дверь. Хосатрала не было на лестнице, но далеко внизу он услышал звяканье металлической двери. Он не знал, собирался ли гигант прибегнуть к какому-то колдовству или удалился из-за приглушенного голоса, но не стал терять времени на предположения.

Он позвал Октавию и новая нотка в его голосе заставила ее подняться и подойти к нему почти бессознательно.

— Что это? — тяжело сказала она.

— Не будем тратить время на разговоры! — он схватил ее за руку. — Идем! — Возможность предпринимать какие-то действия преобразовала его; его глаза горели, голос звенел. — Нож! — прошептал он, почти волоча девушку вниз по лестнице. — Волшебное етийское лезвие! Он оставил его под куполом! Я... — его голос неожиданно замер, когда отчетливая картина пронеслась перед его мысленным взором. Купол примыкал к большой комнате, в которой стоял медный трон... Пот заструился по его телу. Единственный путь к куполу лежал через эту комнату с ее медным троном и тем созданием, что спало на нем.

Но он не колебался. Быстро он спустился по лестнице, пересек комнату, спустился по следующей лестнице и оказался в большом тусклом холле с загадочными портьерами. Они не увидели никаких следов колосса. Остановившись перед дверью с бронзовыми створками, Конан схватил Октавию за плечо и с силой его потряс.

— Послушай! — сказал он. — Я зайду в комнату и закрою дверь. Стой здесь и слушай; если появится Хосатрал, позови меня. Если ты услышишь, что я кричу тебе убираться отсюда, беги так, будто сам Дьявол преследует тебя по пятам... возможно, так оно и будет. Беги от этой двери к другому концу холла, потому что я буду не в состоянии помочь тебе. Я отправляюсь за етшийским ножом!

До того как она попыталась запротестовать, он проскользнул мимо створок двери и закрыл их за собой. Он опустил за собой засов, не заметив, что его можно открыть снаружи. В тусклом мраке он увидел мрачный медный трон; да, чешуйчатая тварь все еще была здесь, заполнив трон своими мерзкими кольцами. Он увидел дверь за троном и понял, что она ведет в купол. Но чтобы добраться до нее, ему нужно преодолеть помост и пройти всего в нескольких футах от самого трона.

Ветерок, пронесшийся над зеленым полом, сделал бы больше шума, чем скользящие ступни Конана. Его глаза приклеились к спящей рептилии, когда он добрался до помоста и стал подниматься по стеклянным ступеням. Змея не шевелилась. Он добрался до двери...

Засов на бронзовых дверях звякнул и Конан еле сдержал страшное ругательство, когда увидел, что Октавия вошла в комнату. Она огляделась вокруг, растерявшись в глубоком полумраке, а он застыл на месте, не смея выкрикнуть предупреждения. Затем она увидела его неясную фигуру и побежала к помосту с возгласами:

— Я хочу пойти с тобой! Я боюсь оставаться самой... о! — Она подняла свои руки с ужасным криком, когда наконец увидела хозяина трона.

Клинообразная голова поднялась с колец и вытянулась в ее сторону на целый ярд, сверкая шеей.

Затем со спокойным, плавным движением она начала медленно сползать с трона, кольцо за кольцом, ее уродливая голова тянулась в сторону парализованной девушки.

В отчаянном прыжке Конан преодолел пространство между ним и троном, размахивая своей саблей. Но змея метнулась с такой ослепительной скоростью, что встретила его высоко в воздухе и обхватила его тело, руки и ноги полуудюжиной колец. Когда он упал на помост в попытке проткнуть чешуйчатое тело, его удар оказался наполовину погашенным и ему не удалось этого сделать.

Он начал корчиться на стеклянных ступеньках, выбирайсь из одного скользкого кольца за другим. Эти кольца крутились узлами вокруг него, извиваясь, сокрушая, убивая его. Его правая рука была все еще свободной, но ему никак не удавалось нанести смертельный удар. Он знал, что у него будет только одна попытка. С тяжелым стоном он напряг свои мускулы. Его вздутые жилы почти разрывались на висках. Мышцы дрожали от сжимающих узлов. Он поднялся, подняв с собой почти полностью эту сорокафутовую тварь.

Мгновение он качался на широко расставленных ногах, чувствуя, как ребра вжимаются в его органы. В глазах у него потемнело, но сабля все еще мерцала над его головой. Затем она опустилась вниз, проходя сквозь чешую, плоть и позвонки. И там, где был один огромный извивающийся трос, сейчас их было два, извивающихся и трепещущих в смертельной агонии. Конан пошатываясь отошел от их слепых ударов. У него все ныло и кружилась голова, из носа сочилась кровь. Двигаясь ощупью в полумраке, он схватил Октавию и стал трясти ее, пока она не пришла в себя.

— В следующий раз, если я скажу тебе где-нибудь остаться, — выдохнул он, — ты должна

остаться!

У него так кружилась голова, что он даже не понял, ответила ли она ему. Взяв ее за руку, словно провинившуюся школьницу, он повел ее вокруг отвратительных обрубков, которые все еще скручивались в узлы и петли на полу. Ему показалось, что он услышал где-то вдалеке вопли людей, но в его ушах еще шумело, так что он мог быть в этом уверен.

Дверь поддалась его усилиям. Если Хосатрал разместил здесь змею, чтобы охранять предмет, которого он боялся, очевидно он подумал и о других предосторожностях. Конан был почти уверен, что когда он откроет дверь, на него бросится еще какой-нибудь монстр. Но в тусклом свете он увидел только неясные очертания арки наверху, слабое поблескивание слитков золота и мерцающий полумесяц на камне.

Со вздохом облегчения он взял его и не стал больше ничего рассматривать. Конан повернулся и пошел через комнату и через большой холл к удаленной двери, которая как ему казалось, вела наружу. Он оказался прав. Спустя несколько минут он выбрался на молчаливые улицы, наполовину ведя, наполовину неся свою спутницу. Никого не было видно, но за западной стеной были слышны крики и стонущие вопли, заставившие Октавию задрожать. Он повел ее к юго-западной стене и без труда обнаружил там каменную лестницу, поднимавшуюся на крепостной вал. В большом холле он захватил веревку от гобелена и сейчас, добравшись до парапета, обвязал петлей мягкий прочный канат вокруг талии девушки и спустил ее на землю. Затем, закрепив один конец вокруг зубца стены, он быстро соскользнул вниз вслед за ней. Для бегства с острова у них был только один путь — лестница на западных утесах. В этом направлении он и заспешил, широко огибая место, с которого доносились крики и звуки страшных ударов.

Октавии казалось, что страшная опасность подстерегает их под прикрытием листьев. Ее дыхание стало тяжелым и она прижалась ближе к своему защитнику. Но сейчас лес молчал, и они не видели ничего угрожающего, пока не выбрались из-за деревьев и не увидели фигуру, стоящую на краю утесов.

Джехунгир Ага избежал участия, которая постигла его воинов, когда железный гигант выскочил неожиданно из ворот и начал бить и крошить их, оставляя от них куски плоти и осколки костей. Когда он увидел, что мечи его людей ломаются о сокрушительную силу в образе человека, он понял что их враг — не обычновенный человек, и убежал прячась за большими деревьями, пока звуки резни не прекратились. Затем он добрался до лестницы, но люди в лодке не остались ждать его.

Они слышали крики, а затем, нервно ожидая, увидели на утесе над ними запачканного кровью монстра, размахивающего своими гигантскими руками в устрашающем триумфе. Больше они не ждали ни секунды. Когда Джехунгир добрался до утесов, они как раз исчезли в тростниковых зарослях за пределами слышимости. Хосатрал ушел — или вернулся в город или отправился в лес на поиски человека, который сбежал от него у городских стен.

Джехунгир как раз собирался спуститься по лестнице и воспользоваться лодкой Конана, когда увидел, как гетьман и девушка вышли из-за деревьев. Потрясения, от которых стыла кровь в жилах и чуть не помутился рассудок, не изменили намерений Джехунгира в отношении казацкого главаря. Вид человека, которого он хотел убить, наполнили его чувством удовлетворения. Он удивился, увидев с ним девушку, которую отдал Джелал Хану, но не стал тратить на нее времени. Подняв свой лук, он направил стрелу ему в голову и выстрелил. Конан пригнулся и стрела воткнулась в дерево. Конан рассмеялся.

— Собака! — насмехался он. — Ты не можешь ранить меня! Я родился не для того, чтобы умереть от гирканской стали! Попробуй еще разок, туранская свинья!

Джехунгир больше не пробовал. Это была его последняя стрела. Он поднял свою саблю и

самоуверенно двинулся вперед. На нем был остроконечный шлем и сплетенная кольчуга. Конан встретил его на полпути ослепляющим вращением сабли. Изогнутые лезвия встретились, затем отскочили друг от друга и закружились сверкающими кругами, так что взгляд не успевал следить за ними. Наблюдавшая Октавия не видела ударов, а только слышала их звуки. Она увидела как Джехунгир упал и кровь брызнула из его бока, когда сталь киммерийца пробила его кольчугу и проколола спинной хребет.

Но Октавия закричала не из-за гибели своего бывшего господина. Ломая висящие сучья, к ним приближался Хосатрал Хел. Девушка не могла бежать; слабый стон сорвался с ее губ, когда ее колени подогнулись и она упала на траву.

Конан, переступив через тело Аги, не попытался убежать. Переложив покрасневшую саблю в свою левую руку, он взял большой етшийский полумесяц. Хосатрал Хел возвышался над ним, его руки поднялись словно кувалды, но когда лезвие засверкало на солнце, гигант неожиданно развернулся.

Но кровь заиграла в жилах Конана и он бросился за ним, размахивая полукруглым лезвием. И оно не раскололось. Оно вошло в тусклый метал тела Хосатрала, как входит обыкновенная сталь в человеческую плоть. Из глубокой раны потекла странная сукровица и Хосатрал закричал, словно погребальный колокол. Его ужасные руки рухнули вниз, но Конан был быстрее, чем лучники Джехунгира, которые погибли под этими устрашающими ударами. Он уклонился и нанес еще один удар и еще один. Хосатрал закружился и пошатнулся; его крики страшно было слушать, словно метал заговорил от боли, словно железо закричало и заревело под пыткой.

Затем, развернувшись, он шатаясь пошел в лес; он шел неверной походкой, продираясь сквозь кусты и отскакивая от деревьев. Хотя Конан преследовал его со всем пылом, стены и башни Дагона показались до того, как человек дognал раненного ножом гиганта.

Затем Хосатрал опять развернулся, рассекая воздух отчаянными ударами, но Конан, яростный как берсерк, на этот раз не стал уклоняться от них. Как пантера атакует затравленного лося, так и он бросился под сокрушающие руки и всадил дугообразное лезвие по рукоятку в то место, где у человека было сердце.

Хосатрал крутнулся и упал. Когда он крутился, то имел еще форму человека, но на землю уже упало нечто, на человека совсем непохожее. Там, где должно было быть подобие человеческого лица, лица не было вообще. Его конечности размягчились и утратили свою форму.... Конан, не отступивший перед Хосатралом живым, отскочил от Хосатрала мертвого, отвернув от него свои глаза при виде этого ужасного превращения; в смертельной агонии Хосатрал Хел снова стал той субстанцией, которой удалось тысячелетия тому назад выкарабкаться из первобытного хаоса. Зажав от отвращения рот, Конан отвернулся от этого зрелища; и неожиданно он обнаружил, что остроконечные башни Дагона больше не маячат между деревьев. Все развеялось словно дым — зубчатые стены, зубчатые башни, большие бронзовые ворота, бархат, золото, железо, и темноволосые женщины, и мужчины с бритыми черепами. С исчезновением нечеловеческого интеллекта, который их возродил, они снова превратились в пыль, которой они были в течении многих лет. Только остатки разбитых колон возвышались над разрушенными стенами, да потрескавшиеся мостовые и расколотый купол. Конан снова видел руины Ксапура, какими он их помнил.

Дикий гетьман стоял некоторое время словно статуя, смутно улавливая во всем происходящем фрагмент космической трагедии между тем непостоянным и эфемерным, что называется человечеством, и неуловимыми формами мрака, которые охотятся на него. Затем, когда он услышал свой голос с нотками страха в нем, он вздрогнул, словно очнулся от сна, еще раз мельком взглянул на создание на земле и отправился к утесам, где его ждала девушка.

Она пугливо выглядывала из-за деревьев и приветствовала его полусдавленным криком

облегчения. Мрачные картины, которые постоянно его преследовали, исчезли.

— Где он? — спросила она.

— Отправился обратно в Ад, откуда он пришел, — бодро ответил он. — Почему ты не спустилась по лестнице и не уплыла на моей лодке?

— Я не могла покинуть... — начала было она, но затем передумала и угрюмо сказала, — мне некуда идти. Гирканцы снова меня поработят, и пираты...

— А как насчет козаков? — предложил он.

— А разве они лучше пиратов? — спросила она презрительно. Восхищение Конана увеличилось при виде того, как быстро она пришла в себя после всех этих страшных переживаний. Ее высокомерие забавляло его.

— Создавалось впечатление, что ты думала именно так в лагере Гори, — ответил он. — Там ты довольно охотно улыбалась.

Ее красные губы скривились от презрения.

— Ты что, думаешь, что я была покорена тобой? Ты думаешь, я могла бы по доброй воле так бесстыдно себя вести перед варваром, который хлещет пиво и обжирается мясом? Мой господин, чье тело лежит здесь, силой принудил меня к этому.

— О! — Конан казалось упал духом. Но затем он рассмеялся с прежним пылом.

— Неважно. Теперь ты принадлежишь мне. Поцелуй меня.

— Ты осмеливаешься просить... — начала она со злостью, но почувствовала, что оказалась прижата к мускулистой груди гетьмана. Она сопротивлялась отчаянно, изо всех своих молодых сил, но он только весело смеялся, пьяный от обладания этим стройным созданием, извивавшимся в его руках.

Он с легкостью преодолел ее сопротивление, наслаждаясь нектаром ее губ со всей присущей ему необузданной страстью, пока руки боровшиеся против него не ослабли и не обвили его массивную шею. Затем он с улыбкой посмотрел в ее чистые глаза и сказал:

— Почему главарь Свободного Народа не может быть предпочтительней городской туранской собаки?

Она отбросила назад свои желтые локоны. Каждый ее нерв все еще трепетал от огня его поцелуя. Она не убрала свои руки с его шеи.

— Ты считаешь, что ты не хуже Аги? — спросила она с вызовом.

Он засмеялся и зашагал к лестнице, неся ее на руках.

— Вот увидишь, — похвастал он. — Я сожгу Хаварис, чтобы он факелом освещал твой путь в мою палатку.